

Услышать голоса

Режиссер Андрей Осипов о магическом простанстве Коктебеля

независимая — 2002 — 31 мая — с. 13, 24.

Екатерина Варкан

«Охота на ангела, или Четыре любви поэта и прорицателя» Андрея Осипова в этом году получил национальную кинематографическую премию «Ника» как лучший неигровой фильм. Другие картины этого режиссера — «Голоса», «Et cetera...» — уже поощрялись в своей номинации крупнейшими международными фестивалями Канады, Америки, Германии, Греции, Португалии, Италии, Испании и даже Тайваня. Андрей Осипов в кино не так давно — с 1997 года, однако успехи его очевидны.

— Андрей, что такое кино?

— Кино — это сначала идея, потом ощущение, например, в виде порыва ветра, запаха, цветового пятна и желание этим овладеть и поделиться. Затем возникает группа единомышленников и сценарий. Следом деньги начинают появляться. Ну и реализация — готовый фильм. И идеальный вариант, когда история, пройдя все эти этапы, вызвала бы у зрителя те ощущения, которые изначально были у тебя. То есть кино — это материализовавшиеся ощущения. Это, наверное, и радость, и тайна кино, когда порыв ветра рождает материальную субстанцию, которая

вызывает у зрителя ощущение ветра.

— И какой ветер сейчас дует?

— Мы планируем снять большой игровой фильм в Коктебеле. Думаю, хотя, быть может, самонадеянно, попробовать передать неописуемую фантастическую красоту тех мест. С помощью изображения можно, как кажется, эту магию и красоту — световую, цветовую, энергетическую — показать. Как передать через кино запахи моря, водорослей, яблоневых садов, полыни степной...

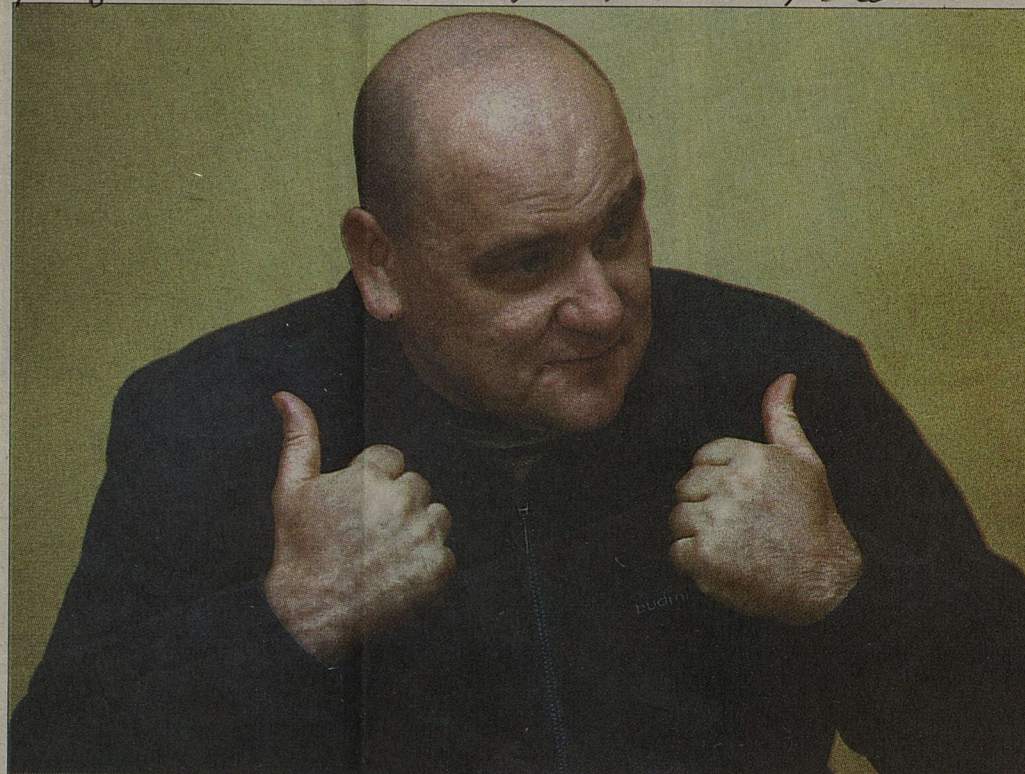
— Запах акации гроздьев душистых... Как передать?

— Есть детали и способы. В кино ты ограничен кадром, и с этой стороны ты вроде бы несвободен. Ведь мир более многообразен, и ты сам переживаешь множество ощущений. Но, с другой стороны, это ограничение — счастье, потому что в мире все находится в хаосе, а выкадровка позволяет что-то показать. Выкадровывая пространство, ты можешь создать из хаоса определенную гармонию — через композицию, свет, цвет и мизансцену. Кадр позволяет, таким образом, проявить свободу в достижении гармонии с помощью его построения. И задача искусства общезвестна — из хаоса сделать гармонию.

— Картина о Волошине (кстати, 28 мая исполняется 125 лет со дня его рождения)?

— Не о Волошине, но с помощью него, его окружения и в его доме мы хотели бы поразмышлять о том, что есть любовь, рождение, друзья, долг, родина, связь поколений. И не надо стесняться таких вопросов. Сейчас все почему-то стесняется говорить на эти важные темы. То ли это не модно, то ли все закрыты и зажаты. Вероятно, пришли другие ценности, не требующие душевных затрат и вообще души и работы над собой. Психология потребителей Биг-Мака охватила многих — все быстро, все на бегу. А ведь нет ничего смешнее спешащего человека. Спокойней надо. Остановись и подумай. Ты появился, и что бы ты ни делал, как бы ты ни жил, с кем бы, что бы ни открывал, наступает черта, и надо эту черту перейти, что не значит умереть, но выйти в другую форму. Постичь себя и попытаться двигаться от самого себя к самому себе, понимаясь, а это требует колоссальных затрат — интеллектуальных, нравственных, физических. К сожалению, сейчас чаще провоцируется то, что не требует энергетических трудозатрат и считывается легко.

Время стало информативным, оно более сообщающее, не развивающее. Кино, как и жизнь, не информация, а эмоция. А искусство, не буду даже стараться быть оригинальным, это то, что должно переворачи-

Андрей Осипов.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

вать и волновать. И когда идут титры, тебе не хочется ни с кем ни делиться, ни говорить. Очищение такое, что оно меняет человека.

— У вас есть конкретные примеры, когда искусство изменило человека — не автора?

— Каждый режиссер как зритель назовет некоторое количество произведений, которые имеют значение в его жизни и

сыграли в ней определенную роль. Для меня это Сергей Соловьев — его «Избранные», «Сто дней после детства». Для меня это Тарковский — его «Зеркало», а не «Андрей Рублев». Произведения Киры Муратовой, Феллини, Пазолини, Антониони. Какие-то их фильмы — не все. Ближе мне российское и европейское кино, где есть тонкие отношения и есть второй план, который стоит

за самой историей. Сокуров. Он — это даже уже не совсем кино, а новый способ аудиовизуального воздействия на человека.

— Позволительно ли делать то, что он делает, переходя некую грань?

— Позволительно, и это, повторю, не кино, а иной способ воздействия, и даже специалисты еще не определили, что он именно делает. Понятно, что

другой энергетический и эмоциональный уровень.

Слава Богу, кино разное. Пусть будет Феллини с его грустной и светлой интонацией, пусть будет Тарковский с его грустной и трагической философией. Бергман — немножко радио, но размышляющий о сути. И Сокуров с его новым способом энергетического представления и воздействия.

Я хочу смотреть любое кино, которое пробивает. Можно же бесконечно смотреть «Ежика в тумане» Норштейна. И этот съездившийся ежик, и этот мишка, который его ждет и хочет чаю с можжевельными веточками, и все так грустно, одиноко. И все люди одиноки в этой жизни, и все не хотят быть одинокими, хотят быть с кем-то. Это модель жизни человека. Мы идем по ней, и что-то открываем для себя. Это и делает человека.

— Может быть, есть смысл в глобальном одиночестве?

— Об этом же не задумываешься — о глобальном. Но не очень приятно, когда ты один и идет дождь, и дует ветер, который гоняет по двору листья. И зыбкое это переживание почти всегда тревожно и печально. В этом есть и сладость какая-то, как ни странно.

— Для зрителя существует возможность поработать над собой, посмотрев кино, и выйти на другой уровень. Но

зачем режиссер снимает это кино?

— Для режиссера (во всяком случае, для меня) это наиболее интересный, необычный, странный, доставляющий и муки, и удовольствие способ переживать жизнь. Делиться тем, что чувствуешь и ощущаешь без кино с его помощью. Случаются и мистические вещи — например, рождается чувство долга.

— Мистическое чувство долга?

— Любопытное словосочетание получилось. Я после окончания Одесского политеха занимался атомными станциями, долгое время жил в Крыму и открыл для себя Коктебель, дом Волошина, Киммерию, Восточный Крым. И случилось так, что если я раз в месяц не приезжал в Коктебель побродить по холмам, берегу, горам, тяжело становилось жить. Я понял, что там энергетически меняешься.

— Как же вы теперь живете?

— (Смеется.) Очень плохо и пытаюсь быстрее туда выбраться. Так вот, я, находясь в том месте, получил мощный природный заряд — физический и интеллектуальный, через дом Волошина столько ведь всего прошло... Узнал массу имен, личностей, книг, сделал для себя много открытий, связанных с Серебряным веком, с символизмом и вообще с русской историей и с древней историей.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 24

Услышать голоса

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Шли годы. Как-то я проезжал мимо Коктебеля на машине, и на душе стало нехорошо. Я понял, что не только должен отсюда брать – брал уже даже слишком. Надо уже отдавать. Отдать месту, Максимилиану Александровичу, дому, который направил на другое восприятие жизни. Жизнь, собственно, всю определил Коктебель. Трудно говорить и пафосно выходит. Я заметил, какие-то вещи, когда мы начинаем проговаривать, они сразу обесцениваются. Как будто бы лукавим, как будто бы предаем. И многим это может показаться смешным, нелепым, глупым.

– Андрей, а кто такой Коктебель?

умерших, и он встретил свою мать, Геракла и Ахиллеса. Волошин всегда водил гостей и показывал вход в Аид.

– И где же в Коктебеле вход в Аид?

– Он на Кара-Даге. Его видно только с моря. Это один из гротов между Лягушачьей бухтой и Золотыми воротами. И Волошину здесь можно верить, потому что он знал каждую складку каждого холма, каждой горы Кара-Дага. И когда мы будем делать новый фильм, он будет не только о тех вещах, о которых я говорил. Он будет и о том, что мы живем в едином вневременном процессе. Нет отдельного прошлого и отдельного настоящего, нет настоящего, отлично-

Здесь степь переходит в горы,
а море сливается с небом.
И здесь всегда есть любовь

– В переводе с тюркского – это страна голубых вершин. (Смеется.) Там место соединения разных стихий. Степь переходит в горы, а море сливается с небом. А пятая стихия – пятый элемент (смеется) – там всегда есть любовь – любовь к этой земле, любовь между мужчиной и женщиной. И не даром в Коктебеле паломничество и культ места образовался, который еще при Волошине возник.

Коктебель – это еще и царство Аида, где живут души умерших, и это Волошин нашел и доказал. У Гомера, когда Одиссей приплыл в пустынную холодную страну, где жило загадочное племя киммериян (я и сам потом перечитал), попал он в царство Аида. Там жили души

го от будущего. И никто никуда не уходил и не уходит. И прошлое живет сейчас, и мы все общаемся с теми людьми. Вероятно, это общение происходит в необычной форме. Самый простой пример. Когда листаешь книжку, уже можно говорить, что ты в контакте с автором, причем один на один. Они же интимно и доверительно писали, и ты интимно и доверительно пытаешься понять.

– Это первый и самый простой способ. Есть ли еще?

– Гораздо тоньше и важнее. То, что пространство, которое существует вокруг, оно-то как раз нас и отделяет от прошлого или другого пространства, если хотите – параллельного мира. У нас просто разная частота

Восточный Крым Максимилиана Волошина.

Независимая – 2002 – 31 мая – с 13, 24

излучения. И мы с ним в физическом смысле не пересекаемся. Но можно определенными упражнениями и, вероятно, в определенном месте (Крым является в этом смысле благим – таких мест несколько в мире) достичь контакта. Опираясь на опыт прошлой жизни, в которой есть тоже загадочная тайна, можно попытаться проявить пространство, и тогда соединятся ритмы, частоты из-

лучения миров. И это существующее параллельное пространство в тебе и рядом возникнет, и можно почувствовать присутствие другого (это может сделать каждый) или даже увидеть этот мир (а это удастся далеко не всем). Но можно. И помогают проявлению пространства особые места, где сильная и насыщенная связь земли с космосом. Фильм будет и об этом.

– Энергетический выход связан с вулканом Кара-Даг, который и есть энергетическая дыра?

– Конечно. А перед Судаком есть огромный провал, где расположено ухо земли. Вулкану 45 миллионов лет. А на Кара-Даге есть профиль Волошина. Столько лет ждала его эта земля, и он пришел. У него было миллион соблазнов остаться в Париже, Германии, Италии. Он объездил

всю Европу, но остался здесь. В самые тяжкие времена он остался здесь, и Коктебель его хранил.

Был, кстати, любопытный случай во время немецкой оккупации. Отрядом, который располагался в Коктебеле, командовал офицер, у которого в доме в Германии висел портрет странного человека с бородой, похожего на Зевса. Это был Волошин. Очевидно, его родители

были с Волошиным знакомы. И он попал в коктебельский дом, увидел фотографии и портреты с изображением того самого человека, портрет которого висел в его родном доме. Это что – не мистика, не проявление чудес? Он, опешив от неожиданности, прибил на дом табличку с надписью, что разрушение этого дома карается по законам военного времени немецкой стороной.

– Андрей, припомните случай, когда вам открылось нечто мистическое?

– Если я начну рассказывать, боюсь, что мне сидеть не в Доме кино, а в больнице. (Смеется.) Ну, кино, впрочем, тоже сумасшествие. Бывает, когда чувствуешь, что кто-то (что-то) присутствует. Поэтому неподготовленному человеку может показаться, что это раздвоение. И он бросится лечиться. А лечиться, в общем-то, не надо.

– Есть ли среди ваших знакомых люди, которые умеют управлять пространством, и вы это видели?

– А вы можете привести такие примеры?

– Я тоже не стану.

– Ну, если про мистику, тогда это кино. Можно же сделать очень качественное и профессиональное кино, но оно не будет работать, потому что не будет той странной энергии, которая есть на пленке и является главной, воздействуя на зрителя. Пленка собирает энергию, аккумулирует. В этом и есть связь с небесами и с прошлым, и пленку не обманешь. Она все видит и тебя самого – что именно ты хочешь в этот момент выразить – искреннюю боль, восторг, тревогу, печаль, грусть, невозможность достичь комфорта и гармонии. Необъяснимым образом для автора и науки энергия будет

исходить из снятого и затягивать.

– Несете ли вы ответственность за затягивание? У зрителя, вероятно, не было планов сходить с ума, как у автора.

– Самое главное, чтобы не было со стороны автора агрессии, категоричности, зла. Чтобы твоё движение не имело жестких оценок и жесткого действия. Это просто способ рассказать о том, что волнует.

– А не боитесь ли вы втягивать актеров – людей, и так не очень уравновешенных, – в такие истории? С ними же могут случиться разные непредсказуемые вещи?

– Главное, всем все честно рассказывать и не лукавить – и артистам, и зрителям.

Сам Волошин своею жизнью показал, что все предопределено, главное – не лениться и двигаться. Есть судьба, есть небеса, есть связь. События просто так не происходят. Это мы думаем, что это несчастный случай или радость – стечение обстоятельств, странное, может быть, но не связанное с нашей жизнью. На самом деле с помощью неких случаев и происшествий что-то нам показывают. Эти знаки дают нам возможности. Беда в том, что мы их не считываем, а принимаем лишь за цепь обстоятельств и случаев. На самом деле дело не в тебе, хоть ты, может быть, и молодец. Понимай за этим – правильно ли ты идешь по этой жизни. Главное видеть.

– И слышать голоса...

– А также шире раскрыть глаза, сердце и душу, не быть категоричным и меньше предъявлять претензий к миру и друг к другу – спокойней, скромнее. Нас предупреждают, направляют и помогают. Я надеюсь. ■